

Мир как басня, история, картина, театр: значение и смысл понятия *fable* в философии Рене Декарта

СЕРГЕЙ ФОКИН

Научный руководитель, кафедра романо-германской филологии и перевода, гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ). Адрес: 191023, Санкт-Петербург, Москательный пер., 4. E-mail: serge.fokine@yandex.ru.

Ключевые слова: Рене Декарт; Барбара Кассен; Мишель Фуко; мир; мировоззрение; картина мира; басня; философия; литература; язык.

Статья представляет собой опыт истолкования одного из самых сложных понятий в мысли и письме Рене Декарта — речь идет о лексеме *fable*. В работе устанавливается, что *fable* представляет собой тип текста, соединяющий в себе посредством фигуры рассказчика и письма от первого лица литературное произведение, научное рассуждение и философское нравоучение. Мир вырисовывается в мысли Декарта в четырех видах. Во-первых, речь идет о мире, сотворенном Богом и воссозданном философом в книге. Во-вторых, мир — это сама книга мира, образ которой столь дорог Декарту, что он называет его не иначе, как «Мой мир». Откуда следует третье значение понятия «мир» в мысли Декарта: речь идет о светской жизни,

о сообществе ученых мужей и ученых жен. За тремя представленными мирами скрывается внутренний мир философа: о нем рассказывают письма мыслителя, через которые он общался с ближними и дальними, с единомышленниками и преемниками. В письмах перед нами открывается странный, причудливый, иногда фантазмагорический внутренний мир философа. В них перед нами вырисовывается Декарт в виде светского, публичного, под конец жизни придворного философа: его общества ищут ученые жены, в том числе венценосные, его ближний круг состоит из завязанных вольнодумцев, которых в свете или памфлетах того времени называют либертинцами, образ его жизни вызывает нарекания богословов и педантов.

I. Больше чем один язык

ЭТУ РАБОТУ, посвященную одному из сложнейших понятий в мысли и письме Рене Декарта, мне хотелось бы начать цитатой из речи Барбары Кассен, произнесенной 17 октября 2019 года во Французской академии и вызвавшей довольно громкие отклики в национальной прессе. Говоря о нашей общей задаче «философствовать на языках (во множественном числе) и между языками», выдающийся французский филолог и философ, по уши влюбленная в родной язык, связывает свои труды с известной линией в становлении новейшей европейской философии:

Вот почему я сегодня предпочитаю множественное число: «Более чем один язык». Речь идет о девизе философа, «экономичном как призыв», который я заимствую у Жака Деррида. Он использовал данное выражение для определения «деконструкции», практики, которую он применял для устранения очевидностей, в том числе очевидностей из истории философии...¹

«Более чем один язык» — это выражение могло бы стать девизом разноязычного интеллектуального сообщества, собранного Сергеем Zenкиным, Илоной Светликовой и Филиппом Роже в конце ноября 2019 года для разработки новых подходов в постижении одного из самых спорных понятий интеллектуальной Европы эпохи Просвещения: *Weltanschauung*. Заметим сразу, что это понятие было рождено в недрах немецкого языка и немецкой культуры, оказавшись столь трудно переводимым для иноязычных мыслителей, что зачастую оно появляется в философских трудах на языке оригинала².

1. Cassin B. Discours de réception à l'Académie Française, prononcé le 17 octobre 2019 // Académie française. 17.10.2019. URL: <http://academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-mme-barbara-cassin>.

2. О непереводаемости понятия *Weltanschauung* писали на рубеже 1930-х годов столь не похожие друг на друга приверженцы немецкой языковой исключительности, как Мартин Хайдеггер и Зигмунд Фрейд. Подробнее о генеалогии понятия в немецкой культуре от Канта до Третьего рейха см. сжатый очерк Паскаля Давида, опубликованный в «Европейском словаре философии» (2004), который следует расценивать как одно из самых

Действительно, в немецком языке понятие *Weltanschauung* впервые появляется в § 26 «Критики способности суждения» (1790) Иммануила Канта, где обозначает «созерцание мира как явления в качестве субстрата», тогда как смежное понятие *Weltansicht*, введенное чуть позднее Вильгельмом фон Гумбольдтом, подразумевает, что каждый язык заключает в себе собственное мировоззрение. Во французском языке в отношении аналогичных понятий возникает совершенно иная история: судя по всему, словосочетание *vision du monde* появилось во французской культуре не ранее начала XX века в ходе обсуждения работ Вильгельма Дильтея, оказавшись, таким образом, семантической калькой из немецкого³. Однако необходимо уточнить, что слово *vision* (видение, воззрение), вошедшее в состав новой лексемы, изначально не было свободным от сопутствующих значений «видения», «химеры», «тщетного образа», «явления», граничащих с тем разупорядочиванием всех чувствований, каковым может быть безумие.

В «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера мы читаем:

Vision, apparition (syn.). Видение, явление (синоним). Видение происходит во внутренних чувствованиях и предполагает лишь действие воображения. Явление же поражает больше внешние чувствования и предполагает объект вовне. Иосиф был предупрежден видением о необходимости бегства в Египет вместе со своей семьей; Магдалина была оповещена о воскресении Спасителя через явление. Разгоряченные мозги и алкающие пищи часто имеют видения. Робкие и доверчивые умы иногда принимают за видения то, что не является ничем, или то, что является просто игрой воображения⁴.

«Больше чем один язык» — философский девиз, «экономичный призыв». В действительности его гораздо легче провозгласить,

притязательных предприятий по единению Европы под знаком культа многоязычия, реализованное по инициативе и под руководством Барбары Кассен: *David P. Weltanschauung // Vocabulaire européen des philosophies. Dictionnaire des intraduisibles / B. Cassin (dir.). P.: Seuil; Le Robert, 2004. P. 1396–1397.*

3. *Heyndels R. Étude du concept de "vision du monde": sa portée en théorie de la littérature // L'Homme et la société. 1977. № 43–44. P. 133–140.*
4. *L'Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre & publié par M. Diderot, de l'Académie Royale des Sciences & des Belles-Lettres de Prusse; & quant à la Partie Mathématique, par M. d'Alembert // Édition Numérique Collaborative et Critique de l'Encyclopédie. URL: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedia>.*

чем следовать ему буквально, потому как даже Кассен, выдающийся французский филолог, всеми помыслами устремленная к утверждению полилингвизма Европы, не смогла с ним сообразоваться в своем монументальном «Словаре непереводимостей» (2004), где почти все работы о ключевых понятиях русского языка и культуры («народность», «мир», «правда», «русский язык», «соборность» и т. п.) были поручены украинским философам и филологам, в результате чего российские мыслители и филологи были устранены из философской Европы⁵. Не менее знаменательно, что это «устранение» состоялось как раз в начале той войны двух языков на Украине, которая, как известно, переросла со временем в нечто иное, нежели борьба двух славянских наречий.

Таким образом, девиз «Больше чем один язык» может быть принят как принцип ответственной филологической или философской работы, правда, при том всенепременном условии, что мы свято чтим монолингвизм другого человека, который, с одной стороны, взывает к переводу («перевод — это язык Европы», согласно Умберто Эко⁶), тогда как с другой — утверждается через две апории Деррида: «1. Мы никогда не говорим более чем на одном языке. 2. Мы

5. Примечательно, что статьи украинских специалистов, написанные изначально по-русски и затем переведенные на французский, легли в основу украинской версии «Словаря непереводимостей», то есть были снова переведены (переписаны?) на украинский язык либо с русского, либо — что маловероятно — с французского. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что как в украинской, так и в русскоязычной версии словаря была нарушена сама словарная композиция оригинала, вместо которой предложена банальная тематическая структура. См.: Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Том перший / Наук. керівники проекту Б. Кассен, К. Сігов. Київ: Дух і Літера, 2009. Ср. скорее позитивный отклик на это издание: Голубович И. В. «Европейский словарь философов: лексикон непереводимостей» (французский оригинал и украинская версия): универсум, мультиверсум, картография // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 3. С. 229–241. Русское издание также вышло на Украине, оставшись труднодоступным для русского читателя, в том числе для иных авторов переводов французского оригинала, как, например, автора этих строк: Европейський словник філософій. Лексикон неперекладностей / Под ред. Б. Кассен; пер. с фр. Т. 1–2. Киев: Дух і Літера, 2015–2017. Достаточно взвешенную оценку всего начинания по работе с «непереводимостями» можно найти в специальном номере журнала «Логос», посвященном философии перевода: Маяцкий М. Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философов: лексикон непереводимостей» под ред. Б. Кассен // Логос. 2011. № 5–6. С. 13–21.
6. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с ит. А. Ковалы. СПб.: Симпозиум, 2006.

никогда не говорим на одном языке»⁷. Очевидно, однако, что данные апории можно если не преодолеть, то по меньшей мере обойти с помощью третьего термина — «межеумочный язык». Под именем *Global English* он стал латынью новой схоластики, в пользу которой нас вынуждают писать на этом чуждом для всех европейских языков наречии, в том числе на чуждом русскому языку волапюке, каковой следует квалифицировать, вслед за французским писателем Ришаром Мийе, как *prêt-à-l'anglais*⁸. Тем не менее наперекор господству *Global English*, языка поверхностной коммуникации, основные сочинения которого сводятся, по определению Кассен, «к заявкам на финансирование» научных проектов, и наперекор также двум апориям Деррида, что обрекают нас говорить на одном языке, который никогда не будет одним, поскольку никогда не является чистым, я постараюсь далее размышлять именно между французским и русским языками, попытавшись дополнить постоянно неполный список непереводимостей одной лексемой, к которой особенно благоволил Декарт как в годы тревожной молодости, так и перед самой смертью, оставив на своем портрете кисти Яна Баптиста Веникса загадочное признание *Mundus est Fabula*, что можно было бы перевести, если учесть основные значения слова *Fabula* в классический век: «Мир есть басня, история, картина, театр».

II. Мировоззрение, книга мира, картина и басня философа

Разумеется, мы сразу могли бы задаться вопросом о том, действительно ли лексемы *die Weltanschauung*, *die Weltansicht*, *la vision du monde* или *мировоззрение* называют одно и то же, но по-разному. Однако прежде всего хотелось бы обратить внимание на то, что ни в коем случае не стоит замалчивать важнейшее концептуальное положение: все четыре выражения указывают на то, что глагол «видеть» и связанные с ним субстантивные формы означают привилегированное отношение к миру, выработанное в лоне европейской культуры Просвещения под знаком понятия «свет». Другими словами, при этом подходе дело в том, чтобы открывать мир через видение, а не через чтение, например, какой-нибудь книги мира, то есть исключительно через «свет», — соответственно, так или иначе забвению предается тьма, в том числе крошечная.

7. Derrida J. Le monolinguisme de l'autre ou la prothèse d'origine. P.: Galilée, 1996.

8. См., в частности: Millet R. Langue fantôme. P.: Roux, 2012; *Idem*. Déchristianisation de la littérature. P.: Léo Scheer, 2018.

По всей видимости, это был решающий шаг в последовательной разработке различных видений мира, мировоззрений, миропониманий — национальных, революционных, философских и прочих, которой предавалась интеллектуальная Европа в течение XIX–XX веков. При этом видение мира строилось в основном именно в Европе. Последняя, в силу собственной географии духа⁹, подходит к становлению-миром, которое позднее назовут мондиализацией или глобализацией, через утверждение в качестве интеллектуальной доминанты столь естественной способности *видеть*, мало-помалу предавая забвению того якобы темного, допросвещенческого человека науки, который был скорее внимательным *читателем* книги мира, а не самостоятельным визионером¹⁰. Однако, как мы помним, *Weltansicht* Гумбольдта — не то же самое, что *la vision* в «Энциклопедии» Дидро и Д’Аламбера: если первое содержится в языке, то второе — преимущественно плод воображения, включая не вполне здоровое. Тем не менее оба определения предполагают ту или иную форму забвения фундаментального диспозитива, посредством которого постигался мир в эпоху Возрождения и в самом начале классического века: речь идет о книге. Разумеется, о той самой *книге мира*, первые разработки которой комментаторы находят у испанского мыслителя Раймунда Сабундского, у переводчика его *Theologia naturulis sive liber creaturarum* (1487) на французский язык Мишеля Монтеня, а затем у самого Декарта, строптивного читателя «Опытов» (1580–1588)¹¹.

Напомню ключевой пассаж «Рассуждения о методе» (1637):

Решив не искать иной науки, кроме той, что могла находиться во мне самом или же в великой книге мира, я употребил остаток моей юности на то, чтобы путешествовать, видеть дворы и армии, встречаться с людьми разных настроений и положений и приобретать многообразный опыт, испытывать себя во встречах, которые посылала мне судьба, и всюду размышлять над предстающими предметами, чтобы можно было извлечь из этого какую-нибудь пользу¹².

9. *Crépon M.* Les géographies de l'esprit. P.: Payot & Rivages, 1996.

10. О читаемости мира в виде книги см. классическую монографию немецкого философа Ханса Блюменберга «Читаемость мира» (1979): *Blumenberg H.* Die Lesbarkeit der Welt. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1981. Автор выражает признательность Игорю П. Смирнову за указание на этот источник.

11. Ср.: *Spallanzani M.* "Le grand livre du monde" et "le magnifique théâtre de nos vies". Montaigne, Descartes, La Motte Le Vayer // *Montaigne Studies*. 2007. Vol. XIX. № 1–2.

12. *Descartes R.* Discours de la méthode // *Œuvres complètes*. T. III / J.-M. Beyssade, D. Kambouchner (dir.). P.: Gallimard, 2009. P. 87.

В этом пассаже примечательно само сближение двух понятий, которые представляют собой автономные, но взаимосвязанные элементы в построении текста «Рассуждения о методе». С одной стороны, перед нами *moi*, объективированная форма «я», составляющая предмет автобиографического повествования («Я с детства был вскормлен словесностью...»); с другой — «великая книга мира», которая, заметим, все-таки отличается от книжной премудрости, поскольку обретается в миру, в свете, в путешествиях, встречах, в человеческом общении, еще не ставших, но также готовых обернуться книгой. Таким образом, Декарт вслед за Монтенем превращает историю становления своего философского «я» в предмет книги, при этом само «я», в настоящем времени, оказывается субъектом повествования, то есть сугубо автобиографическим субъектом, по меньшей мере в отдельных линиях¹³.

Тем не менее, несмотря на этот упор, который был сделан в «Рассуждении о методе» на понятии «книга мира», ситуацию Декарта в европейской интеллектуальной традиции можно представить так, что именно на автора «Диоптрики» (1637) будет возложена ответственность за то, что способность видеть оказалась в самом центре той концепции мира, что будет разрабатываться в рамках Просвещения и предельной формой которой явился, как известно, знаменитый Паноптикум Бентама¹⁴. Однако в данном отношении важно напомнить, что тот же Декарт, сомневающийся во всем, кроме того, что он действительно сомневается, решительно поставил под сомнение всемогущество зрения и видения в трактате, посвященном «самому универсальному и самому благородному» из человеческих чувствований.

Действительно, в той же «Диоптрике» мы читаем:

Это душа видит, а отнюдь не глаз, и видит она непосредственно не иначе, как через мозг, вот почему всякого рода буйные, а также спящие часто видят или думают, что видят, различные предметы, которых нет у них перед глазами¹⁵.

13. Наиболее обстоятельно проблема поэтики повествования в «Рассуждении о методе» рассмотрена в монографии известного историка французской литературы и бывшего президента Международного философского коллежа Брюно Клемана, красноречиво озаглавленной «Рассказ о методе»: Clément B. Le Récit de la méthode. P.: Seuil, 2005.

14. См.: Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. С. 285–335.

15. Descartes R. La Dioptrique // Œuvres complètes. T. III. P. 190.

Не будем останавливаться здесь на определяющей роли сновидений в философском становлении автора «Рассуждения о методе». Важно подчеркнуть, что, рассматривая в своем трактате проблему зрения-видения, мыслитель, судя по всему, был буквально одержим той идеей, что это чувство, «универсальное и благородное», способно вводить нас в обман. Вот почему все выглядит так, будто он стремится установить определенные ограничения способности видеть, поверяя или даже обуздывая ее такими понятиями, как «душа», «мозг», «буйство», «сон», или просто пространством похвальным словом «очкам», представленным в последних частях трактата. Иначе говоря, он ищет не непосредственное видение мира, а какой-то иной диспозитив, позволяющий изобразить его мировидение. Словом, философ, сомневающийся во всем, кроме того, что он сомневается, стремится к тому, чтобы смотреть на мир не иначе, как через какое-то более надежное устройство, нежели столь естественная способность, — правда, в точном наименовании такого устройства он тоже сомневается.

Так или иначе, но в «Рассуждении о методе» мы читаем:

Но мне очень хотелось бы показать в этом рассуждении, какими путями я следовал, и изобразить в нем свою жизнь, как на картине, чтобы каждый мог составить об этом свое суждение, а я, узнав из молвы мнения о ней, обрел бы новое средство самонаучения, каковое присовокупил бы к тем, которыми обычно я пользуюсь¹⁶.

Таким образом, рассуждение строится как *картина*, образ которой, следовательно, выступает первой нарративной моделью текста Декарта. Речь пока не о картине мира, но о картине жизни философа, предлагающего своим читателям пройти теми путями, по которым он сам шел, пока не столкнулся с потребностью написать «Рассуждение о методе». Тем не менее следует думать, что Декарт имеет в виду изображение, представление, историю своей жизни или даже роман своей жизни. В этом отношении следует напомнить, что Поль Валери, наиболее влиятельный французский поэт первой половины XX века, расценивал текст Декарта как первый новейший роман в истории французской литературы, презирая при этом современные романы за необязательность построения (пресловутый *incipit* «Маркиза вышла в пять часов пополудни...», приписанный вождем сюрреализма автору «Вечера с господином Тэстом»)¹⁷:

16. Descartes R. Discours de la méthode. P. 83.

17. «Не так давно, ощущая потребность в чистке, г-н Поль Валери предложил собрать в антологию как можно больше романических зачинов, не-

Я перечитал «Рассуждение о методе, это самый настоящий новейший роман (*roman moderne*), каким его можно было бы сделать. Заметим, что в последующей философии была отброшена автобиографическая часть. Тем не менее к этой точке следовало бы вернуться и написать историю жизни теории»¹⁸.

То, что Валери говорит о последующей философской традиции, предавшей забвению автобиографическое и романтическое начала «Рассуждения о методе», можно было бы повторить в отношении русской культуры, в которой Декарт всегда меньше, чем Декарт: он сводится к расхожему образу отца-основателя новейшего европейского рационализма. Если вспомнить слова Барбары Кассен о деконструкции как способе борьбы с очевидностями, то представление о Декарте как чистом рационалисте следует считать именно такой очевидностью, прописной истиной из истории русской философии, которую следует поставить под вопрос¹⁹. Важно уточнить также, что такому видению Декарта в немалой степени поспособствовали переводы Декарта на русский язык, где он предстает прежде всего как мыслитель здравого смысла, естественного света, ясного ума. Словом, *другой, темный* Декарт все время оставался в тени русской культуры или, проще говоря, недопереведенным.

лепость которых казалась ему весьма многообещающей. В эту антологию должны были бы попасть самые прославленные писатели. Такая мысль служит к чести Поля Валери, уверявшего меня в свое время в беседе о романе, что он никогда не позволит себе написать фразу: Маркиза вышла в пять» (*Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. / Сост. Л. Г. Андреев и др.; под ред. и с предисл. Л. Г. Андреева; комм. Г. К. Косикова и др. М.: Прогресс, 1986. С. 43*).

18. Valéry P. Œuvres / J. Nytier (éd., annot.). P.: Gallimard, 1960. T. I. P. 1755–1756. Подробнее о роли жанровой модели романа в композиции «Рассуждения о методе» см.: Фокин С. «Рассуждение о методе»: роман воспитания философа // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 168–194. Как это ни парадоксально, но может показаться, что устремление французского поэта было реализовано в одном из самых амбициозных проектов по исследованию взаимодействия между теорией и жизнью теоретика: *Томэ Д. и др. Вторжение жизни: теория как тайная автобиография. М.: ИД ВШЭ, 2017*. Однако откровенно морализаторский тон отдельных глав этой книги несколько смазывает в целом благоприятное впечатление от данной работы.
19. Судбин Г. Г. Рене Декарт в России // Руниверс. 22.12.2012. URL: <https://ru-nivers.ru/philosophy/logosphere/456938>. См. также: Krotov A. Descartes et la philosophie russe // Slavica Occitania. Revue de Slavistique. 2019. № 49. P. 113–126.

Недопереведенной оказалась прежде всего сама форма «Рассуждения о методе», которая опознается русскими переводчиками как философский трактат. Однако даже без ссылки на суждение Валери, сумевшего увидеть в тексте Декарта прообраз новейшего романа, следовало бы напомнить, что автор, ощущая изнутри формальную новизну своего текста, пытался определить ее особенности в самом произведении. Таким образом, можно думать, что автор «Рассуждения о методе» предвосхитил такую константу французского модернистского романа, как рефлексивность. Этим приемом рассуждение о методе романа помещается в текст самого романа, отражая его в миниатюре и вместе с тем как будто подвешивая повествование, ставя его под вопрос, как это происходит, когда в тексте прямо возникает авторефлексивная фигура *mise en abyme*, наиболее последовательно использованная, как известно, Андре Жидом в «Фальшивомонетчиках» (1925), безусловном шедевре модернистского романа XX столетия²⁰.

Действительно, чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать пассаж, который идет сразу за тем, где говорится о картине как повествовательной модели текста:

Таким образом, мой замысел состоит не в том, чтобы научить здесь методу, которому должен следовать каждый, чтобы правильно управлять своим разумом, а лишь в том, чтобы показать, как я старался управлять своим. <...> Но, предлагая это сочинение только как рассказ или, если вам это больше нравится, как басню, в которой, среди нескольких примеров, коим можно подражать, найдутся, возможно, такие, которым правильно будет не следовать, я надеюсь, что мое сочинение будет полезно для некоторых и не навредит никому, и все будут мне благодарны за мое чистосердечие²¹.

Итак, очевидно, что Декарт колеблется, сомневается, не может со всей определенностью сказать, что же представляет собой его рассуждение — картину, историю или басню. Не вдаваясь здесь в детали различий между этими понятиями, следует сразу уточнить, что скорее именно басня, согласно мысли Декарта, наилучшим образом соответствует его начинанию. Заметим также, что слово «басня» ни разу не используется русскими переводчиками Декарта, которые отдают предпочтение более расплывчатому по-

20. Lacroix M. L'aventure de la bâtardise critique: rupture, filiation et mise en abyme dans *Les Faux-monnayeurs* // *Littérature*. 2011. Vol. 162. № 2. P. 36–47.

21. Descartes R. *Discours de la méthode*. P. 83.

нятию «вымысел»; то же самое можно сказать о русских философско-толкователях Декарта.

Правда, есть одно заметное исключение. Мераб Мамардашвили, «грузинский Сократ», задействует слово «басня» в одном из своих «Картезианских размышлений»:

Есть портрет Декарта (не Хальса, а другого художника), на котором изображено мягкое и задумчивое лицо и какие-то странные волосы, такие волосы бывают обычно у очень мягких и немного уродливых людей. Художник видел Декарта, а мы не видели, и ему, художнику, очевидно, было виднее. Так вот, на этом портрете Декарт держит в руках книгу, на которой написано: *Mundus est fabula*. То есть «мир — сказка». Или... мир есть описание. А научное описание мира есть язык. И только язык. Фабула. Рассказ в смысле правдоподобной сказки. Язык в смысле способа говорения, у которого есть свои законы²².

Не думаю, что Мамардашвили был безусловно прав, сделав упор на слове «сказка», которое в современном русском языке в основном обозначает вполне определенный литературный жанр. Но Декарт действительно говорит о басне в тех точных значениях, которыми обладало это слово в век философа, в том числе в самом очевидном значении поэтического текста, содержащего в себе нравоучение или, если вспомнить его собственные слова, «примеры» для подражания. Вместе с тем речь идет о понятии, восходящем к поэтике Аристотеля и обозначающем интригу, сюжет, фабулу драматического представления. Довольно красноречивый пример такого словоупотребления можно найти в толковом словаре *Robert*:

(*Fable*). Басня, последовательность событий, составляющих нарративный элемент произведения. ⇒ Содержание, повествование (3), 3. Сюжет (И., 2). // Фабула и форма повествования. 1. «...один древний толкователь Софокла очень хорошо заметил: «не следует забавляться тем, чтобы освистывать поэтов за некоторые изменения, которые они могли внести в фабулу...» Расин, «Андромаха», 2-е предисловие²³.

Итак, наряду со значением «басни» как поэтического текста Декарт мог иметь в виду *fable* как сюжет, интригу повествования.

22. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2019.

23. Le Grand Robert de la langue française. Version 1.1 (05.07.2009). Le CD-ROM du Grand Robert (version 2), 2005. См. URL: <http://www.lerobert.com>.

Но в то же самое время во французской культуре утверждается другое значение этой лексической единицы. В «Историческом словаре французского языка» (2010) мы читаем: «Только в начале XVII века этим словом обозначается мифология языческой древности и вообще миф (*mythe*)»²⁴. Иными словами, третьим значением понятия *fable* в век Декарта был собственно «миф», предание о богах и героях, происхождении мира и природы. Очевидно, что в свете этого значения текст Декарта предстает не только как текст о доказательстве бытия Божьего, но и как сказание о герое философского разума, каковым Декарт выставляет себя в «Рассуждении о методе».

Примечательно, что в близких значениях слово «басня» использовалось в русском языке XVIII века, вплоть до оглушительного успеха басен Ивана Крылова, редуцировавших многозначность лексемы:

1. Мифологическое сказание, миф. Стали на то [либретто опер] употреблять как басни, так и гражданскую историю. Прим. Вед. 1738 74. <...>
4. Лит. Сюжет, фабула, содержание произведения. И ясно покажи какой в Поемах смак: Какие замыслы, какие басни тамо, Всѣль ложно в них гласят иль правду пишут прямо? Члвк ПП 2. Баснь сея пиимы хорошо расположена, искусно выдуманна. САР1 I 114²⁵.

В свете последнего значения текст Декарта словно бы оказывается между истиной, которую разыскивает персонаж, и басней, литературным произведением, правдоподобие которого, однако, основывается на реальной истории превращения рассказчика в философа. Реальность или, что почти то же самое, *явь* сочинения Декарта предстает облеченной в художественное слово и передается искусством красноречия, подразумевающим если не вымысел, то по меньшей мере использование ряда риторических фигур. Иначе говоря, нельзя обходить молчанием то существенное обстоятельство, что «Рассуждение о методе» отличается, как уже говорилось, необычайно сложной жанровой текстурой: рассказ об истории жизни мыслителя — роман воспитания *avant la lettre* — переплетается в тексте с ученым изложением метода, нацеленного на создание универсальной науки, и сливается

24. Fable // Le Dictionnaire Historique de la langue française. 2010. Version 1.0 (06.01.2013). CD-ROM.

25. Басня // Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Институт русского языка; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–2006. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl8/slov-abc/oslov.htm>.

с представлением подлинного философского манифеста, исподволь — или между строк — призывающего к свержению господства схоластики и утверждению самовластия человеческого ума. Все жанровые стихии текста скрепляются как рассказом от первого лица, так и литературной формой басни, построенной в соответствии с главным риторическим правилом эпохи — «писать, чтобы нравиться». Более того, есть основания полагать, что еще до публикации книги философ читал друзьям что-то из будущего «Рассуждения о методе». Судя по всему, один из наиболее полных авантекстов сочинения Декарта, то есть более или менее внятное предварительное изложение замысла грядущей книги, мы встречаем в одном письме Жан-Луи Геза де Бальзака, ближайшего друга философа и признанного основоположника французской прозы. Действительно, пикируясь с философом в остроумии, литератор схватил в следующем ироничном пассаже сразу несколько мотивов еще не существующего произведения:

Сударь, вспомните, пожалуйста, об «Истории вашего ума»: она ожидается всеми нашими друзьями, и вы обещали мне ее в присутствии отца Клитофона, которого на простонародном языке именуют господин де Жерсан. Он с удовольствием прочтет о ваших разнообразных авантюрах в средних и высших регионах Атмосферы, а также рассмотрит ваши подвиги в борьбе с гигантами схоластики, путь, по которому вы шли, прогресс, которого достигли в истине вещей, и т. д.²⁶

Итак, Бальзак указывает на заглавную жанровую формулу сочинения, о котором философу случалось говорить в литературных кругах Парижа, — «История вашего ума» или, перевести выражение в безличный регистр, «История одного ума». Но писатель-остроумец в нескольких словах передает также другие жанровые стихии произведения, из которого Декарт мог читать друзьям: авантюры, подвиги, гиганты, схоластика и самое главное — «путь», которым следовал философ в разыскании истины. Словом, перед нами в свернутом виде басня, или интрига, или фабула будущего произведения.

Как уже было сказано, слово *fable* принадлежит самой глубокой, самой сокровенной части личного словаря мыслителя. Речь идет о понятии, к которому Декарт относился совершенно по-особому, часто употребляя его в своих сочинениях и письмах. По-

26. Жан-Луи Гез де Бальзак — Рене Декарту (30.03.1628), см. в: Фокин С. Л. Рене Декарт и Жан-Луи Гез де Бальзак в контексте интеллектуального либертинства // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 221.

этому не стоит, наверное, удивляться, что именно оно фигурирует на портрете философа, написанном примерно в 1647–1649 годах модным голландским живописцем, чьи услуги в то время были весьма недешевы, — Яном Баптистом Вениксом. Мало что известно о создании этого портрета²⁷, однако художник, несомненно, был молодым, глазастым, проницательным, словом, мог отлично видеть, воспринимать и понимать философа, находившегося на пороге смерти, о приходе которой он пока не подозревает, но которая уже ожидает его при дворе Кристины Шведской. Вот почему позволительно смотреть на этот портрет как на своего рода невольное завещание философа, который к концу своей довольно бурной жизни пожелал оставить нам эту формулу: *Mundus est Fabula*. Заметим, на картине не написано: «Я мыслю, следовательно, я существую». Это слишком высокомерный девиз или, наоборот, слишком сокровенная молитва философа, с помощью которой он убеждал себя, что действительно мыслит и существует, не бредит, не грезит, не спит, а бодрствует, видя, что окружающий мир является не чистой выдумкой, населенной какими-то персонажами, напоминающими автоматы, а самой настоящей басней, сложенной по определенным законам. Таким образом, на последнем, предсмертном портрете Декарта нам оставлена загадка, в которой утверждается, что мир есть не что иное, как басня.

Что это значит на самом деле? Для нас это значит, что нельзя видеть в Декарте лишь отца-основателя европейского рационализма, равно как и прообраз добропорядочного французского буржуа, каким он представлялся, например, Жаку Маритену в 1930-е годы, выставившему автора «Рассуждения о методе» в виде предтечи царства буржуазной добродетели, напроочь лишённого чувства сакрального:

Он был истинным «французским буржуа»... прародителем или предшественником французского буржуа, который в предосторожности усматривает добродетель, что стоит выше мудрости, французского буржуа, для которого Святой Дух всего лишь гипотеза, французского буржуа, который может быть неправ

27. Тем не менее можно с пользой прочесть монографию современного американского историка философии Стивена Надлера «Философ, пастор и художник: к портрету Декарта», где последние годы жизни Декарта представлены на фоне золотого века голландского портрета и, в частности, творчества Франса Хальса, создателя одного из самых загадочных портретов философа: Nadler S. The Philosopher, the Priest, and the Painter: A Portrait of Descartes. Princeton: Princeton University Press, 2013.

во всех деталях, зато прав вообще, французского буржуа, для которого идея католической Церкви сводится к одному историческому факту, к одному событию: суду над Галилеем...²⁸

Наперекор узколобому морализаторству философа-католика, в чьей зарисовке образ Декарта неразличимо сливается с образом аптекаря Оме, в ком узнавали себя все парижские аптекари эпохи Флобера, следует, наоборот, пытаться представлять себе Декарта через незабываемую формулу французского поэта и мыслителя Шарля Пеге, который незадолго до своей героической смерти на поле брани Великой войны смог увидеть в авторе «Рассуждения о методе» истинного аристократа французской философии. Приведем еще раз эту формулу: «Декарт в истории мысли навсегда останется французским шевалье, который тронулся вперед такой бодрой иноходью»²⁹. Мораль Декарта совершенно чужда буржуазной морали: это мораль праздности, необходимой для ученых занятий, а не культ труда, постоянно сводящий досуг на нет; это мораль свободного волеизъявления, а не господство капиталистической эксплуатации, основанное на диалектике господина — раба; это мораль аристократического великодушия, точнее, щедрости, в рамках которой другой — не объект унижения, а равный среди равных, какой бы вид он ни принимал — Бога, злокозненного духа, женщины.

С другой стороны, точнее говоря, уже во второй половине XX века мало кто из французских философов оказался столь внимателен к героизму, трагизму и... романизму в философском начинании автора «Рассуждения о методе», как Жак Деррида. В своем ярком отклике на «Историю безумия» (1961) Мишеля Фуко, где «Метафизические медитации» Декарта были представлены так, будто *Cogito* благоразумно и словно страхуясь исключает безумие «из круга философского достоинства», лишает его «вида на жительство в философском граде»³⁰, Деррида, на-

28. Maritain J. Descartes et l'esprit cartésien. Conclusions // Le Studio Franco-Russe / G. Tassis (dir.). Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. P. 449.

29. Réguy Ch. Œuvres en prose complètes / R. Burac (ed.). P.: Gallimard, 1992. P. 1280. См. также: Фокин С. Л. Нация как событие: война, Германия, Франция в «Декарте» Шарля Пеге // Slavica Tergestina. 2017. № 18. С. 58–89.

30. Деррида Ж. Cogito и история безумия / Пер. с фр. С. Фокина // Он же. Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000. С. 44. Подробнее об этой дискуссии на русском языке можно посмотреть в работах Дениса Голобородько, см., напр.: Голобородько Д. Картезианское исключение. М. Фуко и Ж. Деррида: спор о разуме и неразумии // Опыт и чувственное в культуре современности: Философско-антропологические аспекты. М.: ИФ РАН, 2004.

оборот, утверждал «гиперболическую дерзость картезианского *Cogito*», выводя отсюда почти донкихотовское определение философии: «Философия, возможно, есть не что иное, как... обретенная в непосредственной близости от безумия застрахованность от его жути»³¹:

Гиперболическая дерзость картезианского *Cogito*, его безумная дерзость, которую мы, возможно, уже не очень хорошо понимаем как таковую, поскольку, в отличие от современников Декарта, слишком спокойны, слишком привычны скорее к его схеме, а не к остроте его опыта; его безумная дерзость заключается, стало быть, в возвращении к исходной точке, каковая не принадлежит более паре, состоящей из определенного разума и определенного неразумия, их оппозиции или альтернативе. Безумен я или нет, *Cogito, sum*. Тем самым безумие — лишь один из случаев — во всех смыслах этого слова — мысли (в мысли). Итак, речь идет об отступлении к точке, где всякое определенное в виде той или иной фактической исторической структуры противоречие может проявиться, проявиться как относящееся к той нулевой точке, где определенные смысл и бессмыслие сливаются в общем истоке. Об этой нулевой точке, определяемой Декартом как *Cogito*, можно было бы, наверное, с точки зрения, которую мы сейчас занимаем, сказать следующее.

Неуязвимая для любого определенного противоречия между разумом и неразумием, она является той точкой, исходя из которой может появиться как таковая и быть высказана история определенных форм этого противоречия, этого початого или прерванного диалога³².

Эту близость к безумию, вылившуюся, в частности, в замысел стать учителем философии сумасбродной королевы Швеции, можно уловить (разумеется, задним числом) из нашего сегодня на портрете кисти Веникса, где некогда бравый французский ше-валье, которому случилось поучаствовать в европейских баталиях начала классического века и даже написать трактат о фехтовании, предстает буквально *другим*: перед нами некто в роде отставного, престарелого мушкетера, возможно злоупотребляющего спиртным; почти падший, почти павший, почти разуверившийся во всем человек, который если что-то и знает об этом мире, то разве лишь то, что этот мир является басней, как написано в книге, которую он держит в руках: *Mundus est Fabula*.

31. Деррида Ж. *Cogito и история безумия*. С. 78.

32. Там же. С. 74.

III. Мир есть басня

Правда, для самого Декарта эта формула могла иметь другое значение, более индивидуальное, личное, сокровенное. Ибо, прежде чем написать «Рассуждение о методе», философ выразил свое видение мира в другом тексте, гораздо более традиционном по форме, но по-настоящему революционным по своей теме и фабуле. Не менее примечательно, что этот текст, озаглавленный буквально «Мир», был ему столь дорог, столь мил, что он признался как-то в одном из писем к отцу Мерсенну: «Басня моего *Мира* мне слишком мила...» Исходя из этой цитаты и следуя в дальнейшем соображениям французского историка идей Жан-Пьера Кавайеса, который является одним из самых авторитетных специалистов по культуре Возрождения, барокко и либертинажа, мы можем попытаться установить те значения слова «басня» (*fable*), которые обретались в воображении Декарта.

Басня есть не что иное, как повествование, рассказ, смелое и свободное воссоздание мира, сотворенного Богом. Это не вымысел и тем более не роман, по крайней мере в той форме, в которой он существовал и читался в XVII веке. Более того, одной из контрмоделей повествования Декарта является именно рыцарский роман, о чем свидетельствует следующий пассаж текста, в котором философ предупреждает, что слишком прилежные читатели вымышленных историй «рискуют впасть в экстравагантности паладинов наших романов и питать превосходящие их силы замыслы»³³. Не будем останавливаться здесь на по-настоящему опасных романических отношениях, что связали философа с двором Кристины Шведской, куда он отправился сразу после того, как был написан его последний портрет, и где его ожидала загадочная скоропостижная кончина³⁴. Тем не менее приведенный пассаж наглядно свидетельствует, что философ смутно ощущал опасность романов: он пишет свое рассуждение *против* романов, с которыми сражается наподобие старшего современника Мигеля де Сервантеса. Его роман о Дон Кихоте был переведен на французский язык как раз в эпоху боевой молодости философа, которую он употребил, как мы помним, на то, «чтобы путешествовать, видеть дворы и армии, встречаться

33. Descartes R. Discours de la méthode. P. 85.

34. Фокин С. Л. Рене Декарт и Кристина Шведская: мания разума и страсть суверенности // Логос. 2018. № 3. С. 217–254.

с людьми разных настроений и положений и приобретать разнообразный опыт».

Итак, басня есть определенный вид письма, нарративными моделями которого попеременно выступают картина, история ума, философский манифест, басня, подразумевающая следование определенным правилам: «писать, чтобы нравиться», для чего использовать приемы красноречия, риторические фигуры, в том числе персонажа-рассказчика, которого не следует смешивать с автором. В «Рассуждении о методе» Декарт создает Декарта, как на картине.

В понятиях русской культуры жанр этого сложносоставного текста можно было бы определить, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что автору случалось его читать в ученых собраниях Парижа, как «Слово», в духе «Слова о пользе стекла» Михаила Ломоносова. В «Рассуждении о методе», или «Слове о пути», если предельно русифицировать название текста Декарта, исподволь, с искусным применением основных приемов красноречия классического века, утверждается невиданная свобода, в том числе в отношении теологии, университетской философии и светской словесности: недаром сразу после выхода в свет «Рассуждения о методе» Декарт был признан «самым красноречивым философом» своего времени.

Итак, если «басня» представляет собой тип текста, соединяющий в себе посредством фигуры рассказчика и письма от первого лица литературное произведение, научное рассуждение и философское нравоучение, то собственно мир вырисовывается в мысли Декарта по меньшей мере в трех видах или значениях. Во-первых, речь идет о мире, сотворенном Богом и воссозданном философом в книге. Во-вторых, мир — это сама книга мира, образ которой столь дорог, столь мил Декарту, что он называет его не иначе, как «Мой мир». «Мой *Мир*, — пишет он в одном из писем накануне выхода в свет одной из своих книг, — в скором времени окажется в миру»³⁵. Отсюда следует третье значение понятия «мир» в мысли Декарта: речь идет о светской жизни, о сообществе ученых мужей и ученых жен, об этих «истинных прециозницах», которые открывают свои салоны, принимают в них галантных литераторов, каковые по воле кардинала Ришелье уже заседают во Французской академии, куда одним из первых выбирают законодателя французской прозы Жан-Луи Геза де Бальзака, бли-

35. Декарт — Мерсенну (31.01.1642): *Descartes R. Correspondance*, 1. *Œuvres complètes*. P.: Gallimard, 2013. T. VIII. P. 99.

жайшего друга Декарта и заклятого врага Теофиля де Вио, любимого поэта нашего философа, сгноенного в королевской тюрьме за поэтические гимны мужеложеству³⁶.

IV. Миры Декарта

За тремя представленными мирами скрывается внутренний мир философа, живущего интенсивной интеллектуальной жизнью: как ничто другое, о ней рассказывают письма мыслителя, посредством которых он общался с ближними и дальними, с единомышленниками и прекословщиками, порой доверяя эпистолярным формам гораздо больше, нежели мог позволить себе сказать в предназначенных свету публичных сочинениях. В письмах перед нами открывается странный, причудливый, иногда фантастический внутренний мир философа. В них перед нами вырисовывается Декарт в виде светского, публичного, под конец жизни придворного философа: его общества ищут ученые жены, в том числе венценосные³⁷, его ближний круг состоит из завязанных вольнодумцев, которых в свете или памфлетах того времени называют либертинцами, образ его жизни вызывает нарекания богословов и педантов. Оправдываясь перед ними, он заявляет, что не давал обета целомудрия, не думал становиться святым. Словом, перед нами *другой* Декарт, часто скрываемый лубочными образами отца-основателя буржуазной морали, здравого смысла, европейского рационализма и *homo economicus*...

Итак, важно осознать, что «Басня», через которую философ выстраивает свое видение мира, представляет собой форму барочного мышления: в ней рассеяны другие басни, более лаконичные, более загадочные, более фантастические, наподобие басни о злокозненном духе, рассказанной в «Метафизических медитациях»; речь идет о таком типе повествования, в котором главенствует мнительное до чрезмерности воображение, питающее подозрение, что все кругом сплошной обман. В культуре барокко басня, или *fable*, — помимо того, что она соответствует таким жанровым формам эпохи, как аполог, сказка, роман, эпическая поэзия, — может пониматься как собственно язык, главным образом язык ли-

36. См. об этом: Фокин С. Л. Рене Декарт и Жан-Луи Гез де Бальзак в контексте интеллектуального либертинства.

37. Ср.: *Он же*. Рене Декарт и ученые жены: опасные связи // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 103–116.

тературный. Как замечает Кавайес, в этом отношении «басня» отличается тремя связанными аспектами:

...нарративным (басня предполагает повествование), риторическим (баснословие предполагает использование ресурсов красноречия) и театральным: баснословие есть представление и подражание басне как басне³⁸.

И далее:

Перформативное произведение дискурсивной способности воображения, барочная басня устремляется к тому, чтобы самой стать миром: миром вымышленным, притворным, обманным, миром словесным, замещающим через подражание внеязыковую реальность. Барочная басня, отражающая и воплощающая траур по традиционной онтологии, представляет собой топос общего кризиса культуры, благодаря которому наступает новое время, модерность³⁹.

Возвращаясь к портрету Декарта кисти Веникса, необходимо подчеркнуть, что современники прочитывали эпиграф к книге, которую держал философ, *Mundus est Fabula*: «Мир есть Басня». Но не только, ибо, в соответствии с принятым в то время словопотреблением, они могли прочесть эту надпись несколько иначе: «Мир — это театр». И это значение эпиграфа к «книге мира», которую держит на портрете Декарт, возвращает нас к еще одному загадочному фрагменту философа, где он сам определял себя как актера в театре Мира:

Подобно тому как комедианты, заботясь скрыть красноту, что приливает им к лицу, надевают маски, так и я, когда выхожу на сцену этого мира, где я прежде оставался зрителем, иду вперед под маской⁴⁰.

38. Cavaillé J.-P. Descartes: la fable du monde. P.: Vrin; EHESS, 1991. P. 182.

39. Ibid. P. 182.

40. Descartes R. Cogitationes privatae // Œuvres complètes. T. I. P.: Gallimard, 2009. P. 270. Наиболее обстоятельно тема «философа в маске» представлена в двухтомной монографии французского историка идей и юриста Максима Леруа «Рене Декарт: философ в маске» (1929), содержащей письмо Фрейда о снах Декарта: Leroy M. Descartes, le philosophe au masque. Avec un portrait de Descartes, gravé sur bois par Jacques Beltrand et le fac-similé d'une lettre inédite. T. 1–2. P.: Rieder, 1929. С позиции неортодоксального психоанализа сновидения философа рассмотрены в работе американского аналитика Бертрана Левина: Lewin B. Du bon usage de la régression. A propos de trois rêves de Descartes. P.: Gallimard, 2016. См. также: Фокин С.

Это одна из «первых мыслей» Декарта, она чудом сохранилась в копии Готфрида Вильгельма Лейбница, который, как известно, выучил французский язык если не только за то, что на нем разговаривал Декарт, то с тем, чтобы написать на нем свои основные труды⁴¹. Так или иначе, но именно благодаря Лейбницу до нас дошли так называемые первые размышления или, точнее, то, что современные комментаторы называют *Cogitationes privatæ* Декарта, корпус приватных философских фрагментов, где начинающий мыслитель смотрит на мир глазами истинно барочного персонажа, существующего, как известно, в согласии с меланхолическим исповеданием Педро Кальдерона «Жизнь есть сон»: религиозно-философская драма испанского писателя была представлена на сцене за год до публикации «Рассуждения о методе». По всей видимости, данные фрагменты, открывающиеся мизансценой с философом в маске, так или иначе соотносились с тем умственным потрясением, которое испытал праздный дилетант от математической науки в ночь с 10 на 11 ноября 1619 года, когда ему привиделось сразу три сна. Несомненным свидетельством чего служит то обстоятельство, что Декарт всю жизнь бережно хранил запись и истолкование своих сновидений в личных бумагах, часть которых дошла до нас благодаря Адриану Байе. Знакомство с этими легендарными текстами может помочь нам вернуться к тем стезям, которыми пришлось пройти философу в маске до своего «Рассуждения о методе», где, как мы помним, ему «очень хотелось бы показать», что это были за пути, «и изобразить... свою жизнь, как на картине».

Остается ли философ в маске философом или оказывается странствующим актером поневоле, ломающим комедию в угоду ученым мужам и ученым женам, требовательному свету и церковной цензуре? Маскирует ли маска какую-то тайную философию или, что почти одно и то же, не является ли публичная философия не более чем маской, скрывающей какое-то более сокровенное знание, утврждающее то замысловатое положение, согласно

Ночь рождения философа, или Три сна Декарта // EINA1: Философия. Религия. Культура. 2020. Т. 9. № 2 (18). С. 106–135.

41. О роли французского языка в интеллектуальном становлении Лейбница см., например, доклад одного из самых ярких католических мыслителей Франции XX столетия, члена Французской академии Жана Гиттона, прочитанный на международном «Лейбниц-конгрессе» (14–19 ноября 1966 года, Ганновер): *Guittou J. La Pensée œcuménique de Leibnitz // Académie française. 18.11.1966. URL: <http://www.academie-francaise.fr/congres-international-leibnitz-hanovre-la-pensee-oecumenique-de-leibnitz>.*

которому мир есть басня, история, картина, театр? Такие вопросы могли бы поставить под сомнение те очевидности, что доминируют в нашем видении миров Декарта.

Библиография

- Басня // Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Институт русского языка; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–2006. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/oslov.htm>.
- Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. / Под ред. Л. Г. Андреева. М.: Прогресс, 1986.
- Голобородько Д. Картезианское исключение. М. Фуко и Ж. Деррида: спор о разуме и неразумии // Опыт и чувственное в культуре современности: Философско-антропологические аспекты. М.: ИФ РАН, 2004. С. 9–41.
- Голубович И. В. «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» (французский оригинал и украинская версия): универсум, мультиверсум, картография // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 3. С. 229–241.
- Деррида Ж. Cogito и история безумия // Он же. Письмо и различие / Под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.
- Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей / Под ред. Б. Кассен. Киев: Дух і Літера, 2015–2017. Т. 1–2.
- Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Том перший / Наук. керівники проекту Б. Кассен, К. Сігов. Київ: Дух і Літера, 2009.
- Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2019.
- Маяцкий М. Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» под ред. Б. Кассен // Логос. 2011. № 5–6. С. 13–21.
- Судьин Г. Г. Рене Декарт в России // Руниверс. 22.12.2012. URL: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/456938>.
- Томэ Д., Шмид У., Кауфман В. Вторжение жизни: теория как тайная автобиография. М.: ИД ВШЭ, 2017.
- Фокин С. «Рассуждение о методе»: роман воспитания философа // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 168–194.
- Фокин С. Л. Нация как событие: война, Германия, Франция в «Декарте» Шарля Пегги // Slavica Tergestina. 2017. № 18. С. 58–89.
- Фокин С. Л. Рене Декарт и Жан-Луи Гез де Бальзак в контексте интеллектуального либертинства // Вопросы литературы. 2018. № 6.
- Фокин С. Л. Рене Декарт и Кристина Шведская: мания разума и страсть суверенности // Логос. 2018. № 3. С. 217–254.
- Фокин С. Л. Рене Декарт и ученые жены: опасные связи // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 103–116.
- Фокин С. Ночь рождения философа, или Три сна Декарта // EINA: Философия. Религия. Культура. 2000. Т. 9. № 2 (18). С. 106–135.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006.

- Blumenberg H. Die Lesbarkeit der Welt. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1981.
- Cassin B. Discours de réception à l'Académie Française, prononcé le 17 octobre 2019 // Académie française. 17.10.2019. URL: <http://academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-mme-barbara-cassin>.
- Cavaillé J.-P. Descartes: la fable du monde. P.: Vrin; EHESS, 1991.
- Clément B. Le Récit de la méthode. P.: Seuil, 2005.
- Crépon M. Les géographies de l'esprit. P.: Payot & Rivages, 1996.
- David P. Weltanschauung // Vocabulaire européen des philosophies. Dictionnaire des intraduisibles / B. Cassin (dir.). P.: Seuil; Le Robert, 2004. P. 1396–1397.
- Derrida J. Le monolinguisme de l'autre ou la prothèse d'origine. P.: Galilée, 1996.
- Descartes R. Cogitationes privatae // Œuvres complètes. P.: Gallimard, 2009. T. I.
- Descartes R. Correspondance, 1 // Œuvres complètes. P.: Gallimard, 2013. T. VIII.
- Descartes R. Discours de la méthode // Œuvres complètes. P.: Gallimard, 2009. T. III.
- Descartes R. La Dioptrique // Œuvres complètes. P.: Gallimard, 2009. T. III.
- Fable // Le Dictionnaire Historique de la langue française. 2010. Version 1.0 (06.01.2013). CD-ROM.
- Guittou J. La Pensée œcuménique de Leibnitz // Académie française. 18.11.1966. URL: <http://academie-francaise.fr/congres-international-leibnitz-hanovre-la-pensee-oecumenique-de-leibnitz>.
- Heyndels R. Étude du concept de “vision du monde”: sa portée en théorie de la littérature // L'Homme et la société. 1977. № 43–44. P. 133–140.
- Krotov A. Descartes et la philosophie russe // Slavica Occitania. Revue de Slavistique. 2019. № 49. P. 113–126.
- L'Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre & publié par M. Diderot, de l'Académie Royale des Sciences & des Belles-Lettres de Prusse; & quant à la Partie Mathématique, par M. d'Alembert // Édition Numérique Collaborative et Critique de l'Encyclopédie. URL: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedia>.
- Lacroix M. L'aventure de la bâtardise critique: rupture, filiation et mise en abyme dans Les Faux-monnayeurs // Littérature. 2011. Vol. 162. № 2. P. 36–47.
- Le Grand Robert de la langue française. Version 1.1 (05.07.2009). Le CD-ROM du Grand Robert (version 2), 2005.
- Leroy M. Descartes, le philosophe au masque. Avec un portrait de Descartes, gravé sur bois par Jacques Beltrand et le fac-similé d'une lettre inédite. T. 1–2. P.: Rieder, 1929.
- Lewin B. Du bon usage de la régression. A propos de trois rêves de Descartes. P.: Gallimard, 2016.
- Maritain J. Descartes et l'esprit cartésien. Conclusions // Le Studio Franco-Russe / G. Tassis (dir.). Toronto: Toronto Slavic Library, 2005.
- Millet R. Déchristianisation de la littérature. P.: Léo Scheer, 2018.
- Millet R. Langue fantôme. P.: Roux, 2012.
- Nadler S. The Philosopher, the Priest, and the Painter: A Portrait of Descartes. Princeton: Princeton University Press, 2013.
- Péguy Ch. Œuvres en prose complètes. P.: Gallimard, 1992.
- Spallanzani M. “Le grand livre du monde” et “le magnifique théâtre de nos vies”. Montaigne, Descartes, La Motte Le Vayer // Montaigne Studies. 2007. Vol. XIX. № 1–2.
- Valéry P. Œuvres / J. Hytier (éd., annot.). P.: Gallimard, 1960. T. I.

THE WORLD AS FABLE, STORY AND PICTURE: THE MEANING AND SENSE OF THE CONCEPT OF FABLE IN RENÉ DESCARTES' PHILOSOPHY

SERGUEI FOKINE. Academic Supervisor, Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Faculty of Humanities, serge.fokine@yandex.ru.
St. Petersburg State University of Economics (UNECON), 4 Moskatelny Lane, 191023 St. Petersburg, Russia.

Keywords: René Descartes; Barbara Cassin; Michel Foucault; worldview; world picture; fable; philosophy; literature; language.

The article is an attempt to interpret one of the most complicated concepts in René Descartes' philosophy and writing — the lexeme “fable,” which refers to a kind of text that uses the figure of a first-person narrator to blend scientific reasoning and a philosophical moral into a work of literature. The world in Descartes' thinking appears in four types. First, there is the world created by God and recreated by the philosopher in his writings. Second, the world is the book of the world itself, an image so precious to Descartes that he calls it “My World.” This leads to the third meaning of “world” in Descartes' thinking, which involves secular life and a community of learned men and women. The philosopher's inner world is hidden behind the three worlds already presented. It unfolds in the philosopher's letters, through which he communicates with those close to him and those afar, with both like-minded people and his opponents. The letters reveal the philosopher's strange, bizarre and sometimes phantasmagorical inner world. They show Descartes as a secular and public philosopher, who toward the end of his life also became a court philosopher. Learned women, including royal personages, sought his company, and his inner circle consisted of the hardened freethinkers characterized as libertines in the pamphlets and society of the time. His way of life came under criticism from theologians and pedants.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-5-115-137

References

- Basnia [Fable]. *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language in 18th Century] (ed. Russian Language Institute of the USSR Academy of Sciences, chief ed. Iu S. Sorokin), Leningrad, Nauka, 1984–2006.
Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/oslov.htm>.
- Blumenberg H. *Die Lesbarkeit der Welt*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981.
- Breton A. Manifeste du surréalisme [Manifeste du surréalisme]. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: programmnye vystupleniia masterov zapadnoevropeiskoi literatury XX v.* [Calling Things by Their Proper Names: Programmatic Speeches by Masters of Western European literature of the 20th Century] (ed. L. G. Andreev), Moscow, Progress, 1986.
- Cassin B. Discours de réception à l'Académie Française, prononcé le 17 octobre 2019. *Académie française*, October 17, 2019. Available at: <http://academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-mme-barbara-cassin>.
- Cavaillé J.-P. *Descartes: la fable du monde*, Paris, Vrin, EHESS, 1991.
- Clément B. *Le Récit de la méthode*, Paris, Seuil, 2005.
- Crépon M. *Les géographies de l'esprit*, Paris, Payot & Rivages, 1996.
- David P. Weltanschauung. *Vocabulaire européen des philosophies. Dictionnaire des intraduisibles* (dir. B. Cassin), Paris, Seuil, Le Robert, 2004. P. 1396–1397.

- Derrida J. Cogito i istoriia bezumiia [Cogito et histoire de la folie]. *Pis'mo i razlichie* [L'écriture et la différence] (ed. V. Lapitsky), Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000.
- Derrida J. *Le monolinguisme de l'autre ou la prothèse d'origine*, Paris, Galilée, 1996.
- Descartes R. Cogitationes privatæ. Œuvres complètes, Paris, Gallimard, 2009, t. I.
- Descartes R. Correspondance, 1. Œuvres complètes, Paris, Gallimard, 2013, t. VIII.
- Descartes R. Discours de la méthode. Œuvres complètes (dir. J.-M. Beyssade, D. Kambouchner), Paris, Gallimard, 2009, t. III.
- Descartes R. La Dioptrique. Œuvres complètes (dir. J.-M. Beyssade, D. Kambouchner), Paris, Gallimard, 2009, t. III.
- Eco U. *Skazat' pochtu to zhe samoe. Opyty o perevode* [Experiences in Translation], Saint Petersburg, Simpozium, 2006.
- Evropeiskii slovar' filosofii. Leksikon neperevodimosti* [Vocabulaire européen des philosophies. Le Dictionnaire des intraduisibles] (ed. B. Cassin), Kyiv, Dukh i Litera, 2015–2017, vol. 1–2.
- Fable. *Le Dictionnaire Historique de la langue française*, 2010, version 1.0 (January 6, 2013). CD-ROM.
- Fokine S. “Rassuzhdenie o metode”: roman vospitaniia filosofa [Discourse on the Method: A Philosopher's Bildungsroman]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2021, no. 4, pp. 168–194.
- Fokine S. Natsiia kak sobytie: voina, Germaniia, Frantsiia v “Dekarte” Sharlia Pegi [The Nation as an Event: War, Germany, France in the “Descartes” of Charles Peguy]. *Slavica Tergestina*, 2017, no. 18, pp. 58–89.
- Fokine S. Noch' rozhdeniia filosofa, ili Tri sna Dekarta [Night When Philosopher Was Born: Descartes' Three Dreams]. *EINAI: Filosofii. Religii. Kul'tura* [EINAI: Philosophy. Religion. Culture], 2000, vol. 9, no. 2 (18), pp. 106–135.
- Fokine S. Rene Dekart i Kristina Shvedskaia: manii razuma i strast' suverennosti [René Descartes and Christina of Sweden: Obsession with Reason and Passion for Sovereignty]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, no. 3, pp. 217–254.
- Fokine S. Rene Dekart i uchenye zheny: opasnye sviazi [Dangerous Liaisons: René Descartes and Learned Women]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Journal], 2019, vol. 12, no. 2, pp. 103–116.
- Fokine S. Rene Dekart i Zhan-Lui Gez de Bal'zak v kontekste intellektual'nogo libertinstva [René Descartes and Jean-Louis Guez de Balzac in the Context of Intellectual Libertinism]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2018, no. 6.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'* [Surveiller et punir], Ad Marginem, 1999.
- Goloborodko D. Kartezianskoe iskliuchenie. M. Fuko i Zh. Derrida: spor o razume i nerazumii [The Cartesian Exclusion. M. Foucault and J. Derrida: The Debate on Reason and Unreason]. *Opyt i chuvstvennoe v kul'ture sovremennosti: Filosofsko-antropologicheskie aspekty* [Experience and Sensual in the Culture of Modernity: Philosophical and Anthropological Aspects], Moscow, IF RAN, 2004, pp. 9–41.
- Golubovich I. V. “Evropeiskii slovar' filosofii: leksikon neperevodimosti” (frantsuzskii original i ukrainskaia versiia): universum, mul'tiversum, kartografiia [“European Vocabulary of Philosophies: A Dictionary of Untranslatables” (French Original and Ukrainian Versions): Universe, Multiverse, Cartography]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Push-*

- kina [Bulletin of the Leningrad State University Named After A. S. Pushkin], 2011, vol. 2, no. 3, pp. 229–241.
- Guittou J. La Pensée œcuménique de Leibnitz. *Académie française*, November 18, 1966. Available at: <http://academie-francaise.fr/congres-international-leibnitz-hanovre-la-pensee-oecumenique-de-leibnitz>.
- Heyndels R. Étude du concept de “vision du monde”: sa portée en théorie de la littérature. *L'Homme et la société*, 1977, no. 43–44, pp. 133–140.
- Krotov A. Descartes et la philosophie russe. *Slavica Occitania. Revue de Slavistique*, 2019, no. 49, pp. 113–126.
- L'Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre & publié par M. Diderot, de l'Académie Royale des Sciences & des Belles-Lettres de Prusse; & quant à la Partie Mathématique, par M. d'Alembert. Édition Numérique Collaborative et Critique de l'Encyclopédie. Available at: <http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedia>.
- Lacroix M. L'aventure de la bâtardise critique: rupture, filiation et mise en abyme dans Les Faux-monnayeurs. *Littérature*, 2011, vol. 162, no. 2, pp. 36–47.
- Le Grand Robert de la langue française, version 1.1 (July 5, 2009). Le CD-ROM du Grand Robert (version 2), 2005.
- Leroy M. *Descartes, le philosophe au masque. Avec un portrait de Descartes, gravé sur bois par Jacques Beltrand et le fac-similé d'une lettre inédite, T. 1–2*, Paris, Rieder, 1929.
- Lewin B. *Du bon usage de la régression. A propos de trois rêves de Descartes*, Paris, Gallimard, 2016.
- Maiatsky M. Neperevodimosti real'nye i voobrazhaemye. Listaia “Evropeiskii slovar' filosofii: leksikon neperevodimosti” pod red. B. Kassen [Real and Imaginary Untranslatabilities. Thumbing Through the “European Vocabulary of Philosophies: A Dictionary of Untranslatables”, ed. B. Cassin]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2011, no. 5–6, pp. 13–21.
- Mamardashvili M. *Kartezianskie razmyshleniia* [Cartesian Reflections], Moscow, Fond Meraba Mamardashvili, 2019.
- Maritain J. Descartes et l'esprit cartésien. Conclusions. *Le Studio Franco-Russe* (dir. G. Tassis), Toronto, Toronto Slavic Library, 2005.
- Millet R. *Déchristianisation de la littérature*, Paris, Léo Scheer, 2018.
- Millet R. *Langue fantôme*, Paris, Roux, 2012.
- Nadler S. *The Philosopher, the Priest, and the Painter: A Portrait of Descartes*, Princeton, Princeton University Press, 2013.
- Péguy Ch. *Œuvres en prose complètes*, Paris, Gallimard, 1992.
- Spallanzani M. “Le grand livre du monde” et “le magnifique théâtre de nos vies”. Montaigne, Descartes, La Motte Le Vayer. *Montaigne Studies*, 2007, vol. XIX, no. 1–2.
- Sud'in G. G. Rene Dekart v Rossii [René Descartes in Russia]. *Runivers*, December 22, 2012. Available at: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/456938>.
- Thomä D., Schmid U., Kaufmann V. *Vtorzhenie zhizni: teoriia kak tainaia avtobiografiia* [Der Einfall des Lebens. Theorie als geheime Autobiographie], Moscow, HSE Press, 2017.
- Valéry P. *Œuvres* (éd., annot. J. Hytier), Paris, Gallimard, 1960, t. I.